

Глава 1

Высокий хмурый старшина в парадном мундире императорской армии выглядел очень величественно, и даже коммуникатор у него в руке казался чем-то вроде маршальского жезла. Старшина рассеянно похлопывал им себя по бедру; глаза его с нескрываемой иронией прошлись по строю молодых людей.

«Ну что ж, так в эти игры и играют», — подумал Майлз. Он стоял на свежем, даже очень свежем осеннем ветру в трусах и кроссовках и старался не дрожать. Трудно сохранять спокойствие и ясность духа, когда стоишь вот так, почти голый, перед людьми, одетыми, как на смотре у императора Грегора. Хотя, если разобраться, большинство здесь щеголяло в том же наряде, что и он. А вот старшина, надзиравший за испытаниями, был один, но казалось, что он вездесущ — умел человек себя поставить. Майлз присмотрелся к нему: интересно, каким образом ему удастся производить такое впечатление. Тут можно кое-чему поучиться...

— Бежать будете парами, — наставлял старшина. Он вроде и говорит-то негромко, а слышно в обоих концах строя. Это напомнило Майлзу отцовскую привычку понижать голос до шепота в минуты яр-

сти. Попробуй тогда его не послушать. — Как только закончите бег с препятствиями, пойдет отсчет времени бега на пять километров. Запомнили? — И старшина начал вызывать пары.

Конкурсные испытания для поступающих в Императорскую военную академию длились уже целую неделю. За спиной у Майлза было пять изнурительных дней — устные и письменные экзамены. Кругом уже вздыхали с облегчением, готовясь расслабиться. Кое-где слышался смех и, как всегда, когда худшее позади, — преувеличенные жалобы на недосып, коварство экзаменаторов... Но все эти сетования значили одно — можно лишний раз поздравить себя: они все-таки выдержали, уцелели, выжили. Для абитуриентов Императорской военной академии экзамены по физической подготовке будут игрой, временем отдыха. Самое трудное действительно позади — для всех, кроме Майлза.

Юноша вытянулся в полный рост — уж какой у него этот рост ни был, — словно пытаюсь усилием воли распрямить свой искривленный позвоночник. Он слегка вздернул подбородок, чтобы удержать в равновесии слишком большую голову — она была бы впору человеку ростом за метр восемьдесят, а в нем всего-то полтора метра, — и внимательно осмотрел полосу препятствий. Начиналась она пятиметровой бетонной стеной с острыми металлическими штырями наверху. Взобраться на нее — не проблема, мышцы у него в порядке, а вот спуск... Кости, его окаянные хрупкие кости...

— Косиган, Костолиц! — выкрикнул старшина, проходя мимо. Майлз нахмурился и вскинул гневный взгляд на старшину, но тут же овладел собою. Старшина опустил почтительную приставку перед

его именем, но это вовсе не было оскорблением. В нынешние времена на императорской службе все классы равны, и это правильная политика. Одобренная, кстати, его собственным отцом.

Дедушка из-за этого ругался, но он старик, его уже не переделаешь. Он начинал карьеру еще в те времена, когда главным родом войск была кавалерия, а каждый командир сам обучал своих солдат. В те дни обратиться к нему без приставки «фор» значило нарваться на дуэль. А теперь вот внук генерала Форкосигана пытается поступить в военную академию, такую же, как на других планетах; там его обучат премудростям использования космического оружия, стремительным броскам сквозь пространственно-временные туннели и тактике обороны планет. И стоит он плечом к плечу с мальчишками, которым прежде не разрешили бы чистить его меч.

«Ну, не совсем плечом к плечу», — иронически поправил себя Майлз, искоса поглядывая на кандидатов в кадеты по обе стороны от себя. Его напарник по преодолению препятствий Костолиц столкнулся с ним взглядом. В глазах его было откровенное любопытство. А глаза Майлза находились как раз на уровне здорового бицепса Костолица. Тут старшина дал команду «Разойдись!» — для тех, кто вступал в соревнования попозже, и Майлз с напарником сели на землю.

— Я уже неделю все к тебе приглядываюсь, — начал Костолиц. — Что это за хреновина у тебя на ноге?

Майлз легко подавил раздражение — чему-чему, а этому он научился. Такой, как у него, практикой не всякий похвалится. Видит Бог, он действительно бросается в глаза в любой толпе, а тем более в такой.

По крайней мере Костолиц при виде его не делает украдкой знаков от глаза, как одна дряхлая старуха у них в Форкосиган-Сюрло. В иных отсталых районах Барраяра — например, в глубине Дендарийских гор, в местности, принадлежащей Форкосиганам, — младенцев до сих пор убивают из-за любого врожденного дефекта, вплоть до заячьей губы, хотя власти и пытаются бороться с этим варварством. Майлз глянул на пару блестящих металлических стержней на своей левой голени — до сегодняшнего дня их скрывали брюки.

— Накладки, — ответил он суховаго.

Костолиц смотрел на стержни, как замороженный.

— А зачем это?

— Временно. У меня там пара хрупких костей. Накладки предохраняют их от поломок, пока хирург не убедится, что я больше не расту. А потом их заменят чем-то синтетическим.

— Ничего себе... Это болезнь такая или что? — Парень поменял позу и при этом еле заметно отодвинулся от Майлза.

«Господи, — с болью и яростью подумал Майлз, — может, нацепить колокольчик, как прокаженные? Нужно сказать этому типу, что я заразный: мол, в прошлом году во мне было два метра...» Он вздохнул и отогнал соблазн.

— Когда мать была мной беременна, ее пытались отравить ядовитым газом. Она в конце концов оправилась, но с костями у меня теперь неполадки.

— А-а. Тебя лечили?

— Еще как. В инквизиции и то так не лечат. Поэтому я и хожу на своих двоих, а то носили бы меня в ведре.

На лице у Костолица теперь читалось легкое отвращение, зато он прекратил свои незаметные маневры.

— А как ты прорвался через медосмотр? Тут же есть какое-то правило насчет минимального роста.

— На это закрыли глаза — пока не станут известны результаты экзаменов.

Мысли Майлза снова обратились к предстоящему испытанию. Им придется преодолевать часть дистанции по-пластунски под лазерным огнем, и он сможет отыграть какие-то секунды; это ему очень пригодится на пятикилометровой дистанции. Там он подзадержится, с его-то ростом и хромотой, — он уже не помнил, сколько раз ломал ноги, и теперь его левая на четыре сантиметра короче правой. Но тут ничего не поделаешь. А завтра должно быть полегче — завтра испытания на выносливость. Конечно, поначалу это стадо длинноногих парней обойдет его, как миленького. На первых двадцати пяти километрах он будет в хвосте, да и на пятидесятом километре тоже, а вот после семидесяти пяти они почувствуют, почему фунт лиха. Там уже начнется настоящая боль. «Я профессионал в этой науке, Костолиц, — мысленно обратился он к своему сопернику. — Завтра, где-то на сотом километре, мы продолжим разговор, задавай тогда свои дурацкие вопросы — если дышалки у тебя хватит...»

А-а, черт, надо думать о деле, а не об этом придурке. Прыжок с пяти метров... Пожалуй, лучше обойти стенку, заработать минус на этом. Но тогда средний балл будет паршивый. Ужасно не хочется жертвовать хоть одним очком, да еще в самом начале. Каждое очко для него — на вес золота. Если пропустить стенку, в резерве ничего не останется...

— Ты и вправду собираешься справиться со всем этим? — спросил Костолиц, оглядываясь. — Набрать больше пятидесяти процентов?

— Нет.

Костолиц тупо посмотрел на него:

— Тогда какого хрена тебе здесь надо?

— А мне и не надо набирать пятьдесят процентов. Так, что-нибудь более или менее приличное...

Брови Костолица полезли вверх.

— Интересно, чью задницу тебе приходится лизать за такой блат? Может, самого Грегора Форбарры?

В его голосе звучали зависть и подозрительность. Майлз стиснул челюсти. Только не надо вспоминать про родителей...

— Ну а все-таки, как это ты собираешься поступить с такими оценками? — настойчиво допытывался Костолиц. Глаза его сузились, а ноздри раздувались: он явно почуял запах привилегий, как зверь — запах крови.

«Будь политиком, — приказал себе Майлз. — Это должно быть у тебя в крови, как и страсть к военному делу».

— Я подал прошение, — терпеливо объяснил он, — чтобы мне вывели средний балл, а не рассматривали все предметы по отдельности. Надеюсь, отметки за письменные компенсируют завал на физподготовке.

— Да ведь тебе придется набрать там почти сто процентов!

— Вот именно, — отрезал Майлз.

— Косиган, Костолиц, — выкликнул их имена другой старшина в парадной форме.

Они пошли к старту.

— Мне из-за тебя придется туго, — недовольно заметил Костолиц.

— Почему? Ты к этому не имеешь никакого отношения. Это мои проблемы, — спокойно отозвался Майлз.

— Мы бежим в паре, чтобы задавать друг другу темп. А подстраиваться к тебе — невелика радость...

— А ты не слишком за мной гонись, — промурлыкал Майлз.

Костолиц нахмурился.

Их поставили на черту. Майлз глянул через плац туда, где стояла группа людей — несколько военных и челядь графских сынков, присутствовавших здесь сегодня. Он различил пару суровых слуг в сине-золотых livреях Форпатрилов; должно быть, его кузен Айвен где-то недалеко.

А вон и Ботари, высокий и тощий, как лезвие ножа. На нем серебристо-коричневая livрея Форкосиганов.

Майлз приподнял подбородок, незаметно приветствуя отставного сержанта. Ботари уловил его жест на расстоянии ста метров; до этого он стоял по команде «вольно», а тут вытянул руки по швам.

Пара офицеров-экзаменаторов, старшина и двое инспекторов, судивших на дистанции, сошлись в отдалении и о чем-то заспорили. Майлз заметил, как они жестикулируют и поглядывают на него. Спор быстро закончился, инспекторы вернулись по местам, и один из офицеров дал старт следующей паре ребят. Старшина подошел к Майлзу и его напарнику; вид у него сейчас был уже не столь самоуверенный. Майлз изобразил на лице внимание и готовность.

— Косиган, — произнес старшина старательно-равнодушным тоном. — Тебе придется снять накладки с ноги. Во время экзаменов какие-либо искусственные вспомогательные средства не разрешаются.

Майлзу мгновенно пришла в голову целая дюжина контрдоводов, но он сдержался. Старшина был в некотором смысле его командиром, а Майлз знал, что сегодня оцениваются не только физические способности поступающих, но и кое-что еще, поважнее.

— Слушаюсь, сэр. Разрешите передать их моему слуге? — Во взгляде, который он бросил на старшину, была скрытая угроза: попробуй не разреши, я их суну тебе, и будешь таскаться с ними целый день...

— О, разумеется, сэр. — Это «сэр» вырвалось невольно; конечно, старшина знал, кто он такой. По губам Майлза скользнула еле заметная усмешка и тут же исчезла. Он махнул Ботари, и телохранитель подбежал к нему.

— Разговаривать с домашними запрещено, — предупредил старшина.

— Слушаюсь, сэр, — отозвался Майлз, сел на землю и отстегнул ненавистный аппарат. Ну и хорошо; на целый килограмм меньше тащить на себе. Он кинул стержни Ботари — тот поймал их на лету. Потом Майлз неловким движением поднялся на ноги. Ботари не подал ему руки, чтобы помочь, — и правильно сделал.

Сейчас, видя их рядом, Майлз понял, что все познается в сравнении. Старшина оказался не таким уж высоким, довольно молодым и, в общем, вполне безобидным типом. Ботари был выше, старше и намного уродливее. Его действительно можно было

испугаться. Но, конечно, Ботари уже носил погоны, когда этот парень еще пешком под стол ходил.

Узкая нижняя челюсть, хищно изогнутый нос, близко посаженные глаза непонятного цвета... Майлз глянул на слугу с любовной гордостью. Потом он смерил взглядом полосу препятствий, покосился на Ботари. Тот взглянул туда же, сжал губы, поправил накладку под мышкой и слегка качнул головой. Майлз в ответ чуть дернул уголком рта. Ботари вздохнул и трусцой отправился туда, где ждали остальные.

Значит, старина Ботари советует быть осторожнее. Ну что ж, это его работа: он должен следить, чтобы Майлз был цел и невредим. А карьера Майлза его не касается. «Нет, ты несправедлив», — тут же упрекнул себя юноша. Когда шла подготовка к этой сумасшедшей неделе, не было человека полезнее Ботари. Он тренировал Майлза долгими часами, выжимая из него все, на что способно его тело, выказывая неослабное рвение. «Мой первый подчиненный, — подумал Майлз. — Моя личная армия».

Костолиц, вытаращив глаза, смотрел вслед Ботари. Похоже, он наконец-то узнал родовые цвета Форкосиганов.

— Ах, вот ты кто, — проговорил он со смесью зависти и почтительности. — Теперь ясно, почему тебе разрешили сдавать экзамены...

Майлз только напряженно улыбнулся, услышав новое оскорбление. Он попытался придумать ответ поуничижительнее, но их уже вызывали на старт.

Как видно, творческая мысль Костолица продолжала работать, потому как он язвительно добавил:

— Так значит, вот почему лорд-регент не стал добиваться трона!

— На старт! — между тем крикнул инспектор. — Внимание! Марш!

Разумеется, Костолиц сразу же вырвался далеко вперед. «Беги, беги, безмозглый ублюдок. Если догоню, я тебя тут же и пришибу», — бесился Майлз, чувствуя себя хромой коровой на скачках чистокровных лошадей.

Эта стена, эта чертова стена... Костолиц уже пыхтел где-то посередине, когда Майлз коснулся каменной кладки. Ну, по крайней мере сейчас он покажет этому мужлану, как лазить. Он взлетел вверх, словно крохотные опоры для пальцев рук и ног были широкими ступенями. Мышцы работали как бешеные, подстегиваемые яростью. Оказавшись на гребне раньше Костолица, Майлз глянул вниз — и остановился, неуверенно присев между штырями.

Инспектор внимательно наблюдал за ними. Раскрасневшийся напарник уже догнал Майлза.

— Ну что, фор? Испугался высоты? — выдохнул Костолиц, ухмыляясь через плечо. Он спрыгнул, ощутимо ударившись о землю, но устоял на ногах и помчался дальше.

«Если спускаться осторожно, как какая-нибудь старая дама с артритом, будут потеряны драгоценные секунды... Может, удастся после приземления уйти в перекат? Инспектор все смотрит, а Костолиц уже добрался до следующего препятствия...» И Майлз прыгнул.

Время словно бы растянулось в бесконечность, пока он камнем летел к земле, — растянулось специально для того, чтобы он полностью, до тошноты, прочувствовал свою ошибку. Майлз ударился о пек со знакомым треском ломающихся костей.